

⁵⁰ Гельб И.Е. Указ. раб. С. 15; Кнорозов Ю.В., Федорова И.К. Указ. раб. С. 85.

⁵¹ Radicati di Primeglio C. La «seriación» como posible... P. 172–188.

⁵² Ibid. P. 182–183.

⁵³ Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. С. 59.

⁵⁴ Кнорозов Ю.В., Федорова И.К. Указ. раб. С. 85.

N.V. R a k u t z. Quipu: It is not a script, but...

The article is devoted to the results of the recent decades' studies in the Inka Indians' mnemonic system quipu. An analysis of the existing hypotheses to explain the essential principle of quipu and rules of its use and its comparison with the other similar systems of storing and transmitting information allow the conclusion that in the concrete circumstances of ancient Peru quipu was performing practically the same functions as written languages in the Old World's civilizations at the early stages of their development, i.e. it was a system alternative to script in its tradition meaning. In its evolution quipu followed the same regularities as written languages proper and in the Inka's time it was at the stage which could be described as ideography. The peculiar feature of Peru was not quipu as such but that the Inka Indians were able to perfect it to the level which eliminated the need in script proper in contrast, for instance, to ancient China where a generally analogous system was supplanted by a hieroglyphic one.

© 2001 г., ЭО, № 2

И.М. Денисова

ПРЯЛКИ ЗОО-ОРНИТОМОРФНОГО ТИПА В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА*

Традиционные прялки Русского Севера, выполняя функцию элементарного деревянного приспособления для прядения нити, представляют в своей совокупности очень своеобразное явление народной художественной культуры. Если рассматривать его на хронологическом срезе XIX – начала XX в. (именно к этому времени в основном относятся дошедшие до нас прялки), то перед нами откроется яркая, красочная и довольно разнообразная картина, отражающая большую вариативность этого предмета как по форме *стояка* (вертикальная часть прялки, состоящая из *лопасти* для привязывания кудели и *ножки*), так и по приемам и особенностям декора. Узколокальные различия выражены в прялках, пожалуй, как ни в каких иных предметах народной культуры, поэтому они могут представлять собой ценный материал при изучении этнокультурной истории региона.

В то же время необходимо отметить, что формирование дошедших до нас многочисленных локальных видов расписного декора прялок произошло довольно поздно – в большинстве местностей оно датируется второй половиной XIX – началом XX в. (за исключением тех мест, где было сильно влияние иконописи и рукописной миниатюры; так, в северодвинских центрах Пермогорье и Борок расписные прялки появились не позднее второй половины XVIII в.¹). До этого прялки (если они вообще декорировались) украшались преимущественно резьбой – в основном трехгранно-выемчатой или более простой контурной, обнаруживающей большое сходство и по

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-01-00059а).

приемам, и по изобразительным мотивам на довольно обширной территории. Вместе с тем, несомненно, в декоративной резьбе существовали и свои локальные особенности, однако представить более-менее полную картину их по местностям во времена доминирования этого вида декора вряд ли возможно из-за скудости дошедшего до нас материала. Рассматривая же прялки с точки зрения формы, мы, с одной стороны, обнаруживаем довольно большое ее разнообразие, а с другой – не наблюдаем такой локальной ее дробности, как это характерно для расписного декора. Обычно один вид прялочной формы в его близких модификациях охватывает довольно обширную местность, плавно перетекая в другой, причем между ними можно найти множество переходных форм. Это говорит о большей устойчивости, традиционности форм прялок по сравнению с их декором (если иметь в виду дошедший до нас материал). Близкое соседство сильно отличающихся друг от друга форм в какой-либо местности указывает или на этническую неоднородность ее населения вплоть до настоящего времени (например, в Бабаевском р-не Вологодской обл.), или на относительно недавнюю волну миграции из иной местности. Разнообразие прялочных форм на Русском Севере, несомненно, можно считать результатом сложности этнических процессов в этом регионе на протяжении всего периода формирования его населения. Однако в данном аспекте этому интересному предмету как раз уделялось незначительное внимание в науке. К тому же, именно с точки зрения формы, типологии прялок, принятая на данный момент в научной литературе, страдает рядом существенных недостатков.

Первые подходы к изучению прялок были предприняты одновременно с началом их коллекционирования частными лицами и отдельными музеями преимущественно в последние десятилетия XIX в., когда среди русской интеллигенции значительно возрос интерес к народной культуре. Впервые классификация прялок была предложена А.А. Бобринским в его знаменитом многотомном альбоме по резным и расписным изделиям из дерева²; она была очень приблизительной и неполной. В советский период эта классификация значительно дорабатывалась и уточнялась в трудах В.С. Воронова, Н.В. Тарановской, Н.В. Мальцева, М.Н. Каменской, Л.Э. Калмыковой, И.А. Пятницкой и других ученых, особенно начиная с 1950-х годов, когда развернулась собирательская деятельность многих музеев страны³.

Однако наибольший вклад в разработку типологии прялок внесла О.В. Круглова, комплектовавшая в многочисленных экспедициях фонды Загорского историко-художественного музея с параллельной организацией представительных выставок и публикацией своих исследований⁴. Один из важных результатов ее воистину подвижнической работы с конца 1950-х до начала 1980-х годов – довольно детальное описание русских прялок по местностям, которым пользуются в настоящее время все исследователи и музейные сотрудники, соприкасающиеся с этим предметом народной культуры. В последующие десятилетия изучение прялок дополнялось отдельными локальными исследованиями⁵, и в настоящее время прялочная картина Русского Севера совместными усилиями исследователей – преимущественно музейных работников и искусствоведов – представлена в научной литературе довольно полно, хотя все же остаются отдельные слабо освещенные виды. Недостаточно внимания уделялось также прялкам тех местностей, где они не представляли особой художественной ценности для музеев, однако форма их может быть очень показательна для изучения этнических процессов.

В существующей на сегодняшний день классификации прялок группы сформированы прежде всего **по географическому принципу с учетом формы стойка и типа соединения его с донцем, акцент делается на вид декора**. Этот комплексный подход, несомненно, единственно верный для подробного картографирования прялок и ведения музейной работы – как известно, при разработке вопросов типологии и классификации многое зависит от целей, которые ставит перед собой исследователь⁶. Однако должен быть четко определен единый главный принцип (признак), на котором основывается классификация (желательно учитывать этот признак и в названии выделяемых типов). Поэтому существующую на сегодняшний день классификацию русских прялок в строгом смысле таковой считать нельзя. Ориентация в первую очередь на локальность

(причем в подходе к вопросу о принципах выделения территориальных локусов также нет единообразия, последние подчас не сопоставимы) приводит к тому, что в одну и ту же группу попадают прялки, значительно различающиеся как по форме, так и по декору (см., напр., илл. XV, XVI в альбоме О.В. Кругловой); в то же время в разных группах оказываются близкие формы. Выделение О.В. Кругловой в другой ее работе⁷, где как раз акцент делается на форму стояка, **двух крупных географических регионов по принципу деления всех прялок на два типа по конструкции соединения стояка с донцем** (цельные *копыльные* – северный регион, а *составные* – регион, связанный с бассейном Волги) хотя в общих чертах и верно, но также не является абсолютным и бесспорным. Местами составные прялки встречаются далеко на севере – например, у населения в районе Вельска, у поморов, известны они и прибалтам, и северным финнам, а в конце XIX – начале XX в. традиционные копылы нередко заменялись составными для удобства (о дискуссионности вопроса происхождения составных прялок Русского Севера см. ниже). Простейшие же копыльные прялки можно встретить и в значительно более южных регионах, чем Русский Север (к примеру, у белорусов, у башкир и татар и др.). Эта проблематика требует еще дальнейшей проработки, в частности, как нам представляется, составления специальной **типологии прялок только по форме стояка** как наиболее этноопределяющего признака в данном предмете народной культуры.

В настоящей работе мы выделим один тип прялок по форме стояка: с *небольшой квадратной лопаской на довольно высокой ножке*, причем преимущественное внимание уделим прялкам с определенным *фигурным оформлением верха и низа лопаски* (которое можно рассматривать, таким образом, и как характерный вид скульптурного декора), и попытаемся проследить их географическое распространение. Хотя в настоящее время форму прялок с квадратной лопаской явно можно рассматривать как самостоятельный тип, однако сформировался он когда-то, по-видимому, в результате взаимодействия *столбчатой* (с маленькой лопаской на высокой ножке) и *лопатообразной* форм стояков прялок, так как встречается, как правило, на стыке этих двух форм – больше всего в Вологодской и Костромской областях, частично – в Ленинградской, Новгородской, Тверской и других областях. Понятно, что близкие в основных чертах и довольно простые формы переходных типов могут возникать самостоятельно в различных местностях в результате идентичных процессов формообразования, поэтому далеко отстоящие друг от друга образцы таких типов вряд ли можно рассматривать как свидетельство генетического родства или давних миграционных процессов. Однако положение кардинальным образом меняется, если к общим чертам такой формы добавлена какая-либо характерная деталь, которая устойчиво сохраняется на протяжении очень значительных расстояний. К одному из таких своеобразных прялочных типов мы и обратимся.

Еще А.А. Бобринский выделил форму прялок с **квадратной или чуть удлиненной лопаской на высокой тонкой ножке** и рассматривал их как разновидность «вологодского типа»⁸ (основу этого типа составили прялки с крупной *лопатообразной лопастью*, однако О.В. Круглова, описав многообразие вологодских прялок, убедительно доказала, что единого «вологодского» типа не существует⁹). В результате музейных экспедиций конца 1950–1960-х годов были определены местности, где преимущественно бытовали прялки с квадратной лопаской. В основном это оказались территории юга Тотемского р-на и прилегающих к нему местностей с юга и с запада, поэтому весь тип подобных прялок получил тогда обобщающее название *тотемский*¹⁰. Отметим его характерную особенность: понятие этого типа в литературе сразу сформировалось как достаточно широкое, **обобщающее по признаку основных черт именно формы стояка**, и было очень неравноценным по сравнению со многими другими «типами». В него вошли многие своеобразные виды прялок, сильно различающиеся по декору и в значительной мере – по модификациям формы: из районов южнее Тотмы – Погорелова, Толшмы, Печенги, Советы (север Костромской обл.); собственно тотем-

ские (вокруг Тотьмы); из специфических промысловых центров Биряково и Чучково (на востоке Сокольского р-на по тракту Тотьма–Вологда); из Междуреченского р-на. В результате понятие *тотемский тип* закрепилось в первую очередь за формой, а именно за прялками с квадратной лопаской на высокой ножке.

Однако подобная форма бытует и очень далеко от Тотемского р-на – в западных районах Вологодской обл.: Бабаевском, Кадуйском, Череповецком, Шекснинском. Здесь эти прялки в большинстве случаев не особенно интересны в художественном отношении, и потому, видимо, исследователи уделяли им мало внимания. Так, О.В. Круглова характеризует этот регион очень бегло: «Севернее Рыбинского моря, в юго-западной части Вологодской области, вплоть до Белого озера, корневые северные прялки изредка встречаются, но уже с небольшой лопастью». И далее: «... на берегах Шексны живет еще прялочка с такой же тонкой ножкой и крохотной фигурной лопастью»¹¹. (Позволим себе не согласиться с определением «крохотная», особенно неправомерным при сопоставлении с соседними более южными *согожанками* и *гаютинскими*. Лопасты прялок по Шексне незначительно варьируют около размеров 21 × 18 см, а лопатообразные лопасти средних размеров бытуют и южнее Белого озера вплоть до центральных местностей Кубенского озера, подчас соседствуя с квадратными и образуя с ними гибридные формы.) О.В. Круглова, видимо, стремясь не отступать от географического принципа, никак не отмечает **перекличку прялок западного региона Вологодской обл. с прялками тотемского типа**, однако закрепившаяся в литературе соотнесенность последнего с определенной формой (т.е. стояк с квадратной лопаской на высокой тонкой ножке) может привести порой к досадным недоразумениям (например, в фондах Череповецкого музея в 1996 г. мы встретили надпись к местным череповецким прялкам: «Прялки тотемского типа»). А совпадения в форме прялок этих двух регионов в самом деле удивительны, особенно в некоторых разновидностях с фигурным завершением верха и низа лопасок, к рассмотрению которых мы и переходим.

Среди тотемских прялок, выделенных О.В. Кругловой, в рассматриваемую нами группу включим прежде всего два вида: *толшменгские* и *совегские* (рис. 1, А, 1, 2). И те, и другие завершаются сверху лопаски тремя выступами, а внизу – двумя крупными серьгами, только в Совеге (Солигаличский р-н Костромской обл.) эти детали часто приобретают вид вычурных завитков, а на Толшме они довольно изящны и аккуратны. Мостиком между этими двумя видами служат неброские, обычно без декора прялки, бытовавшие на территории современного Куземинского сельсовета Солигаличского р-на Костромской обл., в верховьях р. Толшмы (где автором летом 1994 г. проводились полевые исследования). Завершения их лопасок объясняют происхождение и совегских завитков, и трех толшменгских «городков», так как они вырезаны в форме головок каких-то животных, часто похожих на медвежьи или конские, повернутых к центру и «смотрящих» на центральный выступ – круг с навершием, иногда – деревце (см. рис. 1, В; внизу лопаски такие же головки «вверх тормашками» повернуты к ножке). В совегских завитках, если они не очень причудливо закручены, порой также явно просматривается зооморфность, а чаще орнитоморфность формы – они напоминают птичьи головки с загнутым клювом и высоким хохолком (рис. 1, А, 2).

Но почти аналогичную форму лопасок с четырьмя головками по углам мы встречаем за сотни километров отсюда. Фигурные выступы на прялках, бытовавших по Шексне, напоминают птичьи хохлатые головки, а «головки» прялок Череповецкого, Кадуйского, Бабаевского районов в различных вариантах можно принять то за птичьи, то за звериные (за конские, пожалуй, меньше всего, так как «мордочки» обычно заострены – см. рис. 1, А, 3–5). Этот своеобразный тип прялок, форму которых мы можем назвать *зоо-орнитоморфной*, в западном регионе Вологодской обл. проходит широкой дугой с северо-запада по р. Суде и ее притокам – Шогде, Аядоге и др., далее на восток, занимая всю южную часть Череповецкого р-на, а затем по Шексне поднимается вновь довольно далеко на север, почти до Кириллова.

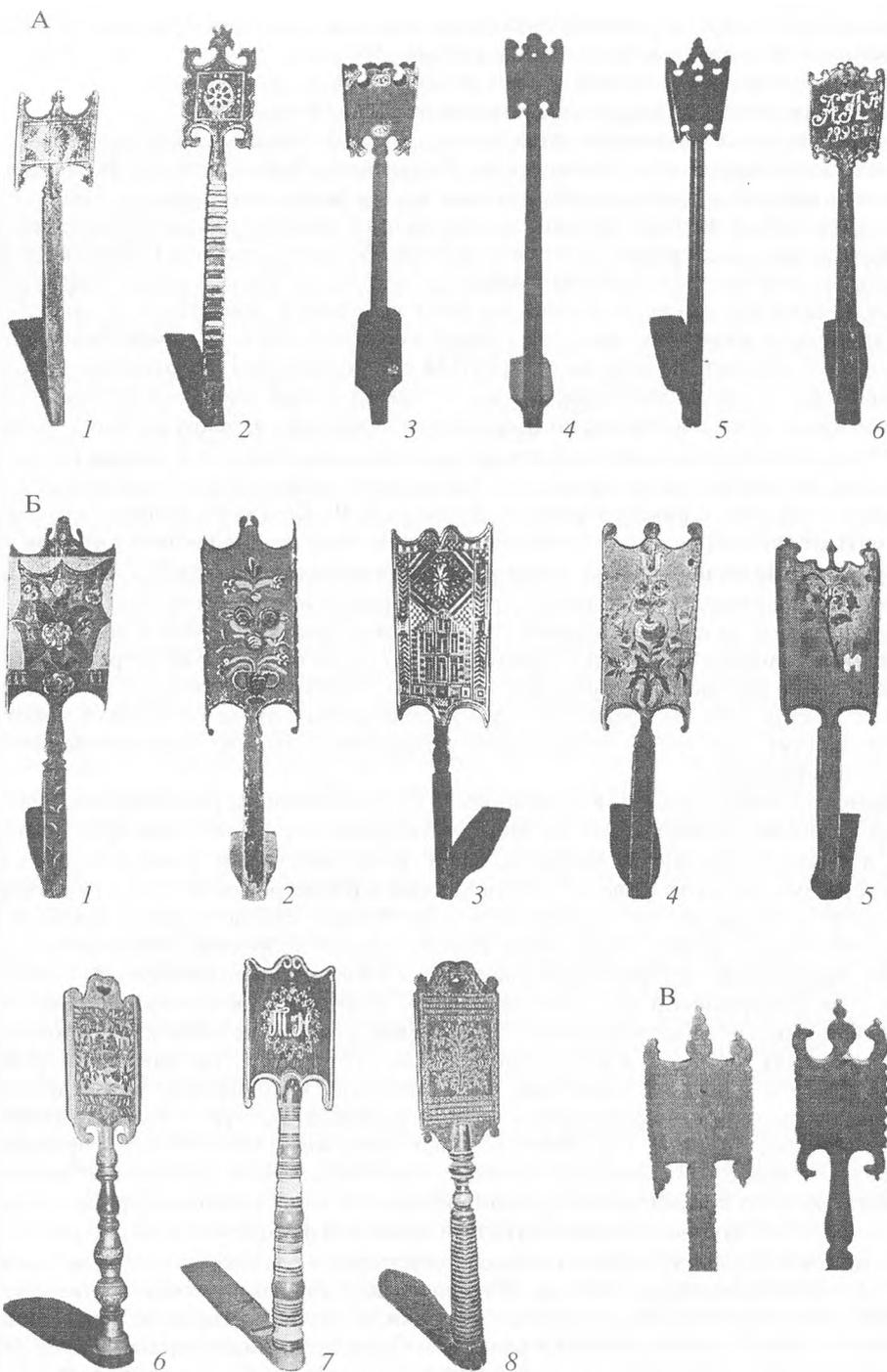

Рис. 1. Прялки с зоо-орнитоморфными деталями и их рудиментами. **А.** Прялки зоо-орнитоморфного типа, происходящие из: 1, 3-6 – Вологодская обл. (1 – Тотемский р-н, р. Толшма, 3 – Шекснинский р-н, 4 – Кадуйский р-н, 5 – Череповецкий р-н, 6 – Вологодский р-н); 2 – Костромская обл., Солигаличский р-н, Совета. **Б.** Прялки с рудиментами зоо-орнитоморфного типа, происходящие из: 1-5 – Вологодская обл. (1 – Кирилловский р-н, 2-5 – Харовский р-н); 6, 7 – Ленинградская обл. (6 – Волховский р-н, 7 – Гатчинский р-н); 8 – Новгородская обл., Поддорский р-н. **В.** Лопаски прялок из Куземинского сельсовета Солигаличского р-на Костромской обл. (бассейн верховьев р. Толшмы)

В ходе экспедиционных выездов в отдельные местности этих районов в 1996, 1997 и 2000 гг., а также при ознакомлении с коллекциями музеев: Вологодского, Российского этнографического в Санкт-Петербурге (далее – РЭМ), Череповецкого, Бабаевского, Сокольского, Кадниковского, Усть-Кубенского, Тотемского, Кирилловского, Ферапонтовского, Белозерского, Устюженского, Староладожского, Солигаличского, Галичского, нескольких народных и школьных¹² – автору удалось выявить малоизвестные виды прялок и почти целиком обрисовать **ареал прялок зоо-орнитоморфного типа** в Вологодской обл. Так, в Белозерском р-не северная граница указанного ареала проходит где-то около оз. Азатского – здесь в основном уже господствует переходная форма между прялками с лопатообразной и квадратной лопастью (т.е. с прямоугольной не крупной лопастью), однако встречаются и типичные представители зоо-орнитоморфного типа, которые здесь уже чаще были откуда-то привозными, с надписанными разными женскими именами, их называли «лаковочки» из-за покрытия коричневым лаком. Однако в д. Костино нам рассказали и о местном мастере Григории Мудрове, который якобы делал лаковочки еще в 1930-х годах. На лаковочках выпрядали тонкую льняную нить для полотенец, а на прялках с прямоугольной более крупной лопастью – более грубую нить¹³ (такое разделение функций нередко наблюдается в местностях, где по тем или иным причинам соседствуют два разных типа прялок). О лаковочках мы услышали и совсем в ином месте – значительно юго-восточнее, за Шекснинским водохранилищем, в Талицком сельсовете Кирилловского р-на. Они встречались здесь на фоне господства переходного типа, и изготовляли их, по словам местной жительницы А.Д. Голосовой, в с. Чаромском¹⁴ (значительно южнее, Шекснинский р-н). Форма местных талицких прялок – типично переходная: их изящные небольшие лопасти прямоугольных очертаний часто увенчаны по углам стилизованными головками, между которыми вверху одно, а порой и два фигурных возвышения.

К северо-западу от оз. Азатского, на Андозере, прялок зоо-орнитоморфного типа уже встречено не было, хотя здесь довольно сильны следы «зооморфности» в лопатообразных прялках: часто нижние «серьги», а порой и верхние боковые выступы лопасок (прямоугольных, средних размеров) явно имеют форму стилизованных головок. Однако еще северо-западнее, в северных местностях Бабаевского р-на (ближе к бассейну Суды), мы вновь встречаем зоо-орнитоморфный тип – в Тимошинском сельсовете и, судя по экспонатам Вологодского музея, еще севернее – в Куйском сельсовете, где указанный тип поднимается даже севернее широты Белого озера и тесно соседствует с великими *доскообразными* прялками. В результате взаимодействия этих двух типов здесь, по-видимому, самостоятельно возникают формы лопатообразных прялок и различные переходные варианты. Южнее, в Борисово-Судском сельсовете, зоо-орнитоморфная форма является ведущей, а при дальнейшем движении на юг за Суду намечается тенденция постепенного исчезновения верхних «головок». Поэтому на юге Бабаевского и севере Устюженского районов мы встречаем в основном квадратные лопасти с «головками» только внизу их, порой превращающимися просто в крупные серьги. Мелкие городки по верху лопасок, стремящихся к уменьшению, и ножки с прорезьями говорят о влиянии на эту форму еще более южных прялок – столбчатых – с маленькой прямоугольной лопастью. Ареал же прялок зоо-орнитоморфного типа уходит по Суде к юго-востоку, а затем к востоку.

По форме прялки рассматриваемого типа во всем западном регионе Вологодской обл. довольно близки, варьируя только в деталях. Так, в Бабаевском р-не «головки» более стилизованы, а возвышение между ними крупнее и шире и имеет часто веерообразную форму, в то время как в прялках Кадуйского и Череповецкого районов оно несколько меньше, имеет в основном форму трилистника, а в Шекснинском р-не – двулистника, значительно менее возвышающегося; «головки» же прялок в этих районах довольно выразительны. Сама лопасть в Кадуйском и особенно Череповецком районах более сужена книзу (рис. 1, А, 4, 5), что является результатом влияния на эту форму бытующих южнее, по берегам Рыбинского водохранилища, вариантов столбчатой прялки с маленькой треугольной лопастью (согожанки, гаютинские и т.п.), в то

время как в Бабаевском и частично в Шекснинском районах это сужение лопаски обычно значительно менее выражено (исключение составляют шекснинские *золочки* – о них см. ниже). В Белозерском р-не в окрестностях оз. Азатского лопаски лаковочек также имеют заметное сужение, что говорит об их проникновении сюда, скорее всего, не с востока от Шексны, а с юга, из Череповецкого р-на (очертания лаковочек по Шексне ближе к квадрату). Прялки по течению Шексны имеют тенденцию к стандартизации формы, среди них довольно распространены со штампом артели Е.Б. Еремеевского (рис. 1, А, 3), историю которой еще предстоит выяснить, – они темно-бордового цвета с неброским узором по углам в виде тонких золотистых завитков. Прялки зоо-орнитоморфного типа из Череповецкого и Кадуйского районов более разнообразны по размерам и деталям формы, чаще всего окрашены в коричневый цвет, и на лопасках их встречается иногда роспись – либо живописными цветами, либо в виде графических растительных фигур с завитками, а например, на одной такой прялке из Череповецкого музея можно видеть любопытное изображение в виде графической фигуры, сочетающей в себе образ дерева, женщины-роженицы и ладьи (без номера, привезена музейной экспедицией 1979 г. из д. Хлебаево Дмитриевского сельсовета Череповецкого р-на).

Далее к востоку от Шексны варианты прялок зоо-орнитоморфного типа также бытовали, однако точно охарактеризовать их разновидности и территорию распространения пока что не представляется возможным из-за недостаточной обследованности в этом отношении центральных районов. Скорее всего, их ареал здесь был связан с течением р. Вологды, так как в деревнях Вепревского сельсовета, расположенного в верховьях этой реки (примерно в 25–30 км к северо-западу от г. Вологды), в 1997 г. нами были зафиксированы прялки с небольшой лопаской с четырьмя стилизованными головками по углам, имеющими тенденцию к превращению просто в небольшие *шишечки* – *городки* и *сережки*. Здесь же бытовали и лопатообразные прялки, у которых порой сохранялись рудименты «головок» сверху. Своеобразные рудименты «головок» в виде маленьких резных кружков (шесть по верхнему краю лопаски в виде бугорка и четыре внизу ее) можно видеть и на двух красочно расписанных прялочках из Вологодского музея, поступивших в собрание из самой Вологды (инв. № 28153 и 31508, изготовлены, судя по подписям, в 1880 и 1898 гг. – см. рис. 1, А, 6) – эти рудименты явно указывают на происхождение данной прялочной формы от зоо-орнитоморфного типа.

Северо-восточнее р. Вологды, вдоль западных берегов Кубенского озера, в основном уже бытует лопатообразная прялка, лопасть которой, однако, имеет несколько облегченный силуэт, а порой и рудименты деталей зоо-орнитоморфного типа: удлиненные углы, фигурное возвышение в центре. Очень любопытны в этом отношении хранящиеся в Вологодском музее две прялки, поступившие из этих мест (по документам одна числится из Новленской вол. Кирилловского у. – инв. № 5677, другая – из Кирилловского р-на, инв. № 5596). Лопасть у них сверху завершается, кроме трех обычных выступов, еще двумя небольшими «головками», похожими скорее на змеиные и как бы тянущимися к центральному выступу (рис. 1, Б, 1). Близкую форму встречаем довольно далеко отсюда: в Харовском доме народного творчества имеется прялка (по документам – из Пундуги) с высоким выступом сверху и двумя подобными головками по сторонам его (рис. 1, Б, 2). Для Харовского р-на вообще характерно большое разнообразие форм прялок: лопатообразные по общей форме, они часто украшены рудиментарными «головками» сверху и внизу лопасок (рис. 1, Б, 3–5). В соседнем же Сямженском р-не «головки» в основном сохранились только внизу, зато они менее стилизованы. Некоторые сходные гибридные формы возникают, несомненно, самостоятельно в разных местностях. Так, почти идентичные прялки с рудиментами «головок» (рис. 1, Б, 4) встречены нами в Ферапонтовском сельсовете Кирилловского р-на, Авксентьевском сельсовете Усть-Кубенского р-на (д. Марковская неподалеку от р. Уфтыги), в различных местностях Харовского р-на и несколько южнее – в Несте-

ровском сельсовете Сокольского р-на. Вдоль р. Кубена в Усть-Кубенском и Сокольском районах лопатообразные прялки также довольно разнообразны как по форме, так и по декору, и среди них встречаются различные варианты с отголосками зоо-орнитоморфного типа: с высоким выступом в центре, порой напоминающим кокошник, с двумя закруглениями, различными рудиментами «головок» и т.п. Более известные в литературе *верховажские* прялки также, видимо, обязаны своей своеобразной формой (с фигурно возвышающимся верхом) отголоскам зоо-орнитоморфного типа. Те или иные рудименты этого типа встречаются и в прялках многих других районов.

На территориях, расположенных восточнее Вологды, вдоль р. Сухоны и тракта Вологда–Тотьма, явные признаки «зооморфности» на лопасках прялок теряются, особенно вверху их, заменяясь здесь мелкими городками, а внизу – более или менее ярко выраженными серьгами, в которых рудименты «головок» лишь чуть угадываются. По общей же форме эти прялки представляют собой варианты рассматриваемого типа: лопаски *чучковских* и *биряковских* прялок преимущественно квадратные, а *междуреченских* – немного суженные книзу (все эти три вида отличаются своеобразием декора). Последний вид по форме лопасок близок *шекснинским золоченкам*, распространенным значительно западнее – на юге Шекснинского р-на вплоть до ст. Чебсара (их отличает роспись, по стилю напоминающая древнерусскую). Существует ли генетическая взаимосвязь между этими двумя видами, довольно далеко отстоящими друг от друга территориально, или они возникли самостоятельно в результате воздействия на них столбчатых прялок с маленькой треугольной лопаской, бытовавших в различных вариантах на соседних территориях и той, и другой местности, – в настоящее время сказать трудно из-за плохой изученности юга Вологодского и значительной части Междуреченского районов. Вероятное существование в прошлом пути с Шексны на Сухону по двум реконструируемым волокам – Угольско-Тошненскому и Согожско-Комельскому¹⁵ – допускает взаимосвязь этих видов и позволяет предположить, что когда-то ареал этого переходного типа был достаточно протяженным в направлении запад–восток. Для нас важно, что эти прялки с рудиментами «зооморфности» внизу лопасок относятся к вариантам прялок с квадратной лопаской либо к их гибридным формам со столбчатыми прялками и служат как бы мостиком между западным и восточным ареалами прялок зоо-орнитоморфного типа.

Почти исчезнувшая в прялках по Сухоне «зооморфность» (включая такие виды, как *погореловские*, собственно тотемские и некоторые другие), скорее всего под воздействием на них лопатообразных и столбчатых форм, вдруг неожиданно вновь проявляется на прялках в верховьях ее южного притока Толшмы (см. выше). Далее к югу почти весь Солигаличский р-н Костромской обл. занят вариантами прялок зоо-орнитоморфного типа либо их гибридами со столбчатыми с более или менее стилизованными «головками». При этом стилизация последних нарастает при движении к югу, и в Галичском р-не они уже еле узнаваемы на маленьких суженных лопасках прялок, которые можно считать вариантом столбчатых¹⁶.

Попробуем проанализировать выделенное нами явление народной художественной традиции с точки зрения этнокультурной истории данного региона. Определенно соотнести зооморфные детали на прялках с каким-либо этносом вряд ли представляется возможным, так как подобная традиция оформления предметов народного быта проявляется локально у разных народов Европы – как индоевропейских, так и финно-угорских. Надо отметить, что в специальной работе В.А. Шелег, посвященной этой проблематике (картографированию типов резьбы на деревянных изделиях Русского Севера), выделенный этим автором **тип зооморфной резьбы** в западных районах Вологодской обл. не фиксируется – видимо, в результате того, что упор в работе делается на декор крыши жилища, а прялкам внимание почти не уделено, причем зооморфные резные «головки» однозначно характеризуются как конские¹⁷ (всеобщность этого определения достаточно спорна, в том числе и для жилища).

При обращении к работам археологов по формированию населения Русского Севера и сопоставлении карт путей славянских миграций с географией распространения прялок

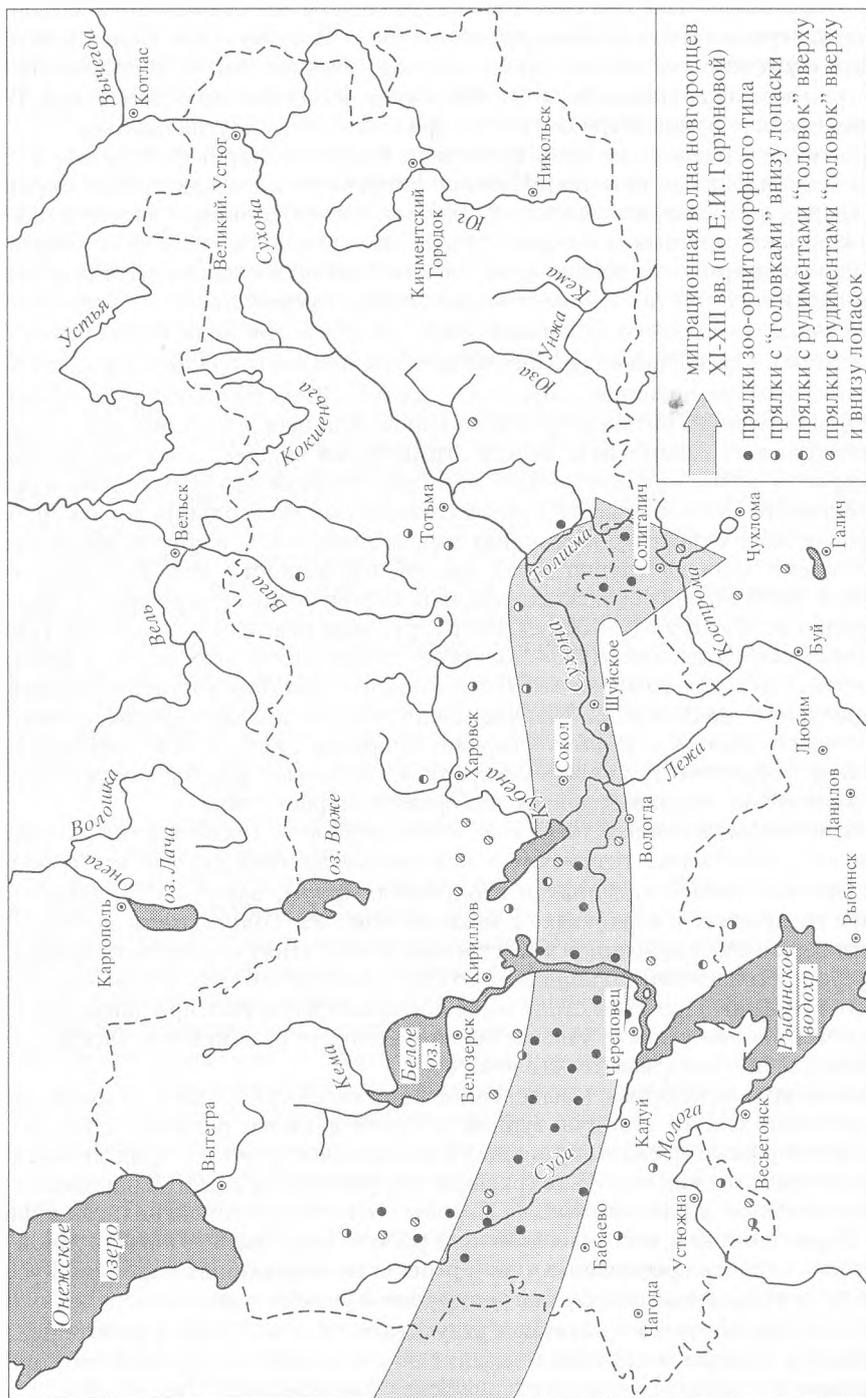

Рис. 2. Сопоставление миграционной волны новгородцев XI-XII вв. с ареалом прятков зоо-орнитоморфного типа

зоо-орнитоморфного типа мы неожиданно обнаруживаем, что ареал последних почти полностью совпадает с одной из миграционных волн древних новгородцев, а именно с волной XI–XII вв. (см. карту на рис. 2). Она была более сильной, чем предыдущая, проходившая в IX–X вв., несколько южнее по рекам Чагодоца, Молога и их притокам в район будущего Ярославля. Миграционный же поток XI–XII вв. пошел по более северным территориям: по р. Суде, частично – по Шексне и Сухоне, поворачивая к югу как раз в верховьях Костромы, близко к которым подходят верховья Толшмы¹⁸. Он имел и еще более северные ответвления, в том числе по волокам, ведущим в систему Северной Двины, т.е. захватывал бассейн Кубены и Ваги (где мы, как указывалось выше, довольно часто встречаем прялки с рудиментами зоо-орнитоморфного типа), причем это движение населения из новгородских земель носило народный, крестьянский характер в отличие от последовавшего позднее феодального наступления¹⁹. Повернув к югу от Сухоны, поток переселенцев по р. Костроме продвинулся к Галичу, который, видимо, издавна представлял важный узел экономических связей с более восточными землями, а волжское левобережье по р. Костроме и ее притокам было «наиболее густонаселенным районом Костромской области в XI–XIII вв.»²⁰.

Совпадение в основных чертах этого миграционного потока с ареалом прялок зоо-орнитоморфного типа – веский аргумент в пользу предположения Н.А. Макарова о существовании в те времена волоков Сиземско-Вологодского и Костромско-Толшемского²¹, так как распространение этого типа на восток от Шексны прослеживается именно по р. Вологде (севернее которой признаки его затухают), а на границе Тотемского р-на и Костромской обл. – с верховьев р. Толшмы к р. Костроме. Выдвигаемое предположение о направлении, в котором распространялись когда-то прялки рассматриваемого типа, подкрепляется выводами, сделанными Г.С. Масловой в отношении архаической вышивки, в которой основным сюжетом являлась также трехчастная композиция в виде предстоящих перед деревом-богиней птиц, коней (либо всадников/всадниц): «Сюжетная вышивка архаического типа восходит к культуре Новгорода и Пскова... Наличие в **ярославской и костромской вышивке** (хотя нередко в трансформированном виде) **мотивов архаического типа**, по-видимому, связано с приливом населения на эту территорию с **северо-запада**» (выделено мной. – И.Д.); здесь же приводится пример вышивки из-под Ярославля: «Вышивка двусторонним швом из с. Норское (МАЭ, № 349-25, 26) с деревом и птицами по сторонам стилистически близка к подобным сюжетам вышивки населения новгородско-петербургской территории»²².

С более ранним миграционным потоком новгородцев IX–X вв.²³, вероятно, можно связать форму столбчатых прялок, ареал бытования которых в разных модификациях на юго-западе Вологодской обл. как раз занимает местности по течению рек Чагодоца и Молога, а также к югу от Череповца вдоль Рыбинского водохранилища (бывшее русло Шексны) и далее – большую часть Ярославской, значительную – Костромской и Новгородской, отдельные местности Тверской и других областей. Столь широкий и устойчивый ареал столбчатой прялки, по-видимому, является результатом даже еще более раннего проникновения на эти земли славянского населения с запада и юго-запада. Установлено, что славяне вступили в контакт с местным финно-угорским населением в верховьях Волги уже в последней трети I тыс. н.э. и процесс этнической ассимиляции протекал здесь значительно интенсивнее, чем позднее в более северном регионе; для XI в. можно с уверенностью говорить о господстве славянского этноса в ареале нижнего течения Шексны и Мологи²⁴.

В научных дискуссиях уже высказывалось мнение (Л.Э. Калмыковой) о том, что **столбчатая форма** русских прялок по происхождению является **псковско-новгородской**; эту точку зрения, однако, пыталась опровергнуть О.В. Круглова, считая данный тип прялок производным от поволжского *донца с гребнем* и отталкиваясь в решении этого вопроса от структуртивных особенностей столбчатых прялок²⁵ (так как последние чаще всего составные; зоо-орнитоморфные прялки, часто приближающиеся по форме к

столбчатым, также во многих местностях являются составными, поэтому здесь необходимо подробнее остановиться на этом дискуссионном вопросе – о происхождении составной конструкции). Мнение О.В. Кругловой о формировании **составного типа** под влиянием именно **поволжского гребня с донцем** («это традиции типично волжского искусства») и о распространении этого типа **с востока на запад** вызывает некоторое недоумение, так как исследовательница сама отмечает, что в Древнем Новгороде «не было найдено ни одной корневой прялки», подчеркивая, что и ныне в новгородских землях составные прялки – это основной конструктивный тип; однако она тут же себе противоречит: «И в настоящее время в западной части Вологодской области эта **волжская** конструкция является ведущей»²⁶ (выделено мной. – И.Д.). Вместе с тем ведущей эта конструкция является и в еще более западных и юго-западных регионах, в частности у ближайших соседей-славян – белорусов, для которых наиболее характерной прялочной формой в конце XIX – начале XX в. была составная, близкая к лопатообразной, хотя изредка встречалась и копыльная²⁷. Деталь прялки II тыс. до н.э., обнаруженная на севере Вологодской обл., на р. Модлоне, также представляет собой, по мнению нашедшего ее археолога А.Я. Брюсова, именно *донце от прялки*²⁸.

Широта распространения различных видов (в том числе у многих славян) как составных, так и копыльных прялок вряд ли позволяет рассматривать признак соединения стояка с донцем как этноопределяющий, разве что в очень узколокальных сопоставлениях (немаловажное значение здесь имело, видимо, и наличие леса как материала). Жесткая привязка составной конструкции к каким-либо конкретным вариантам форм стояка, особенно типа столбика, также не является правилом, что хорошо видно и из прялочных форм, приведенных в таблицах статьи О.В. Кругловой, где во главу угла ставится именно конструктивный принцип: здесь отдельные близкие формы стоячков попадают в разные группы, по-видимому, из-за стремления автора не отступать также и от географического принципа (ср., напр., в ее статье табл. I–III, 2, 3 и II 1, 6; I, 1–3 и IV, 4; II, 1, 4 и III, 3, а также I, 2 с II, 4 и III, 4)²⁹.

Точка зрения Л.Э. Калмыковой в данном вопросе нам представляется более предпочтительной, так как прялки Древнего Новгорода были в основном именно составными, и один из их видов, выделенный Б.А. Колчиным, – это «прялки маленькие, легкие (выс. 17 см, шир. 6 см), как правило, более затейливо украшенные»³⁰ (рис. 3, А), которые уже с полным основанием можно считать вариантом столбчатых. Основная форма прялок Новгородской обл. до начала XX в. – это также столбчатые, с *маленькой, сужающейся книзу лопаской*, в формировании которой не последнюю роль сыграла, вероятно, и *вилкообразная* форма стояка в виде рогульки (также зафиксированная в Древнем Новгороде). Соединение столбчатой формы с *доскообразной*, видимо, аборигенной (характерной, по этнографическим материалам, для велсов, лопарей, карел) могло породить в определенных местностях такие своеобразные гибридные виды прялок, как *грязовецкие, ярославские теремковые, буйские, судиславские* (с доскообразной ножкой и маленькой треугольных очертаний лопаской). Территория, где бытовали эти виды, оказалась в древности как бы между двумя колонизационными потоками новгородцев³¹, и заселялись эти, преимущественно мерянские, земли славянами более плавно.

Однако среди прялок Древнего Новгорода, опубликованных Б.А. Колчиным, мы не находим близких аналогий зоо-орнитоморфному типу, за исключением разве что одной (табл. 66, 6 в работе Б.А. Колчина), заovalенная лопаска которой украшена внизу какими-то «головками», напоминающими скорее змеиные (см. рис. 3, А, 1), а еще у трех прялок (табл. 66, 3, 5, 9 в работе Б.А. Колчина) можно предположить рудименты таких нижних «головок» (рис. 3, А, 3). Заостренный верх большинства древне-новгородских прялок также в какой-то мере перекликается с зоо-орнитоморфным типом. Надо отметить, что на новгородских землях среди прялок XIX – начала XX в. встречаются отдельные виды, близкие данному типу (особенно отдельным экземплярам из Харовского, Кирилловского районов – см. рис. 1, Б, 6–8), причем происходят

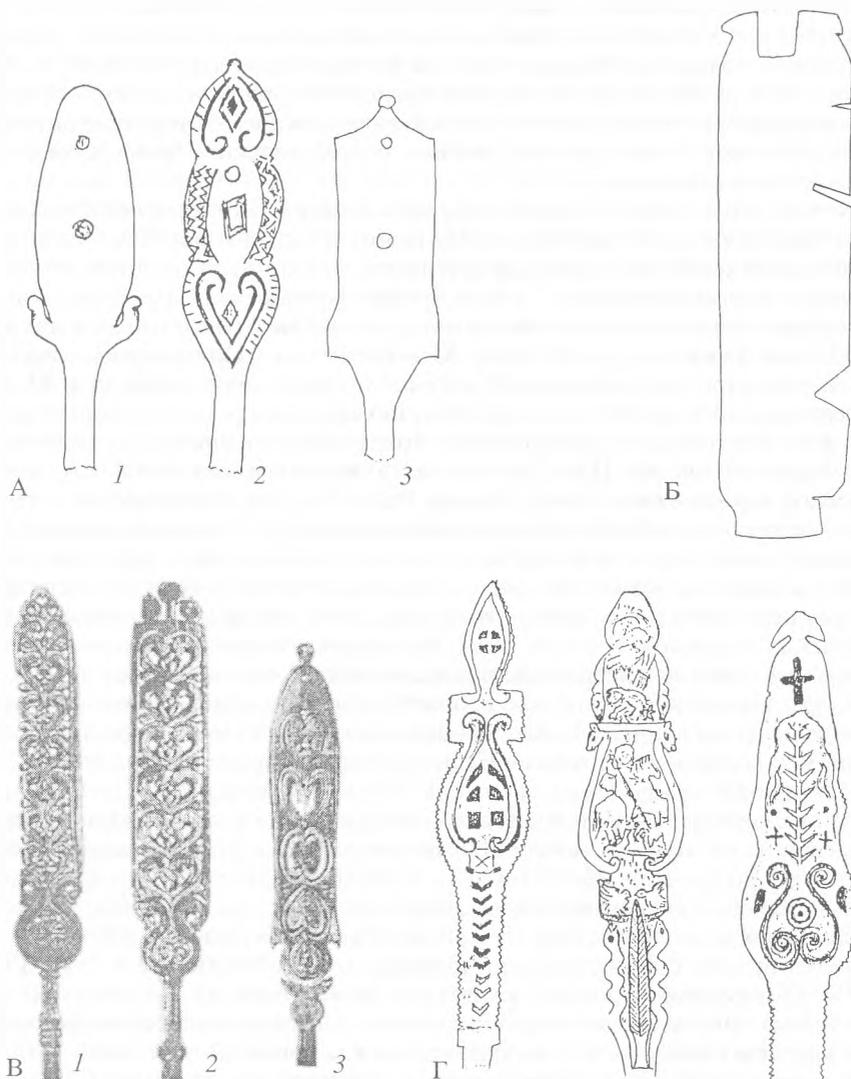

Рис. 3. Сопоставление археологических и традиционных народных прялок. А. Прялки из Древнего Новгорода XIII–XIV вв. (по Б.А. Колчину); Б. Лопасть прялки IX–X вв. (предположительно) из Старой Ладogi (ГЭ 2425/468г); В. Лопасты прялок XIX в. из Карелии; Г. Лопасты прялок южных славян (по Д. Антониевич)

они, судя по собранию Российского этнографического музея, из местностей, довольно далеко расположенных друг от друга: из Поддорского р-на Новгородской обл. (Белебелковский сельсовет, д. Сенцово – РЭМ № 9887-49), из Гатчинского р-на Ленинградской обл. (д. Грязно – РЭМ № 7573-8), из Киришского р-на Ленинградской обл. (д. Дуняково на р. Черной, притоке Волхова – РЭМ № 7573-127; аналогичная – № 11802-2). По поводу последнего вида (рис. 1, Б, б) сошлемся на исследование Русского музея³²: местность, где изготовлялись эти изящные прялочки (их называли *золоченки*, *крашенки*), расположена неподалеку от Ладожского озера. Это ряд деревень в междуречье Волхова и Сяси в их нижнем течении, объединенных общим названием Спасовщина (Волховский р-н Ленинградской обл.). Здесь выявлено несколько мастеров-прялочников; отсюда эти золоченки расходились, видимо, довольно широко: в музее они попадали и из Киришского (РЭМ), и из Тихвинского (Государ-

ственный Эрмитаж) районов³³. Однако позволим себе не согласиться с мнением описавших их исследователей, что в завершении верха лопасок этих прялок отразились мотивы барокко вследствие близости ареала их бытования к Петербургу³⁴. При сопоставлении их с различными вариантами прялок зоо-орнитоморфного типа в центральном фигурном возвышении явно просматриваются две обращенные друг к другу «головки», в которых сами мастера, видимо, подразумевали птички, судя по наметченному порезками оперению.

Характерно, что местность Спасовщина расположена неподалеку от Старой Ладogi, в окрестностях которой также основным видом прялок в конце XIX – начале XX в. были золоченки и крашенки с двумя характерными высокими «головками» – они до сих пор бытуют у местных жителей – и порой встречаются с довольно архаичным рисунком лопаски (эксспедиционный выезд автора в эту местность состоялся в августе 2000 г.). Старая Ладога – древний центр Юго-Восточного Приладожья, откуда, судя по всему, исходил прежде всего второй миграционный поток новгородцев XI–XII вв., так как курганы по Суде XI в., по заключению археологов, продолжают традиции курганов Юго-Восточного Приладожья³⁵. Этот район с важным торговым центром в Старой Ладогe, по мнению П.Н. Третьякова, служил «одной из главных лабораторий древнерусской народности на Северо-Западе Руси»³⁶, складывавшейся здесь начиная с VIII–IX вв. на основе консолидации как минимум четырех этнических компонентов: угро-финнов, славян, балтов и норманнов³⁷. Археологические находки в захоронениях XI–XII вв. на западе Вологодской обл. в большинстве своем говорят о связи этого района в тот период именно с Приладожьем (так, наиболее предпочтительной формой среди женских привесок в обеих этих местностях были привески в виде птицы – прорезные плоские и небольшие полые, последние обычно с хохолком)³⁸. Очень вероятно, что именно в Приладожье сложился когда-то и зоо-орнитоморфный тип прялок, который с началом продвижения населения из этих мест на восток достаточно быстро мог достигнуть верховьев Суды. Исток ее близко расположен от истока р. Паши (впадающей, сливаясь со Свирью, в Ладожское озеро) и от Пашозера, где до недавнего времени бытовали прялки как с квадратной лопаской, так и переходные формы между этим типом и лопатообразными, порой с рудиментами зоо-орнитоморфного типа (напр., РЭМ № 7573-39, 40, 42; 7646-2а). Несомненно, прялки из всех этих местностей еще требуют специального исследования в рассматриваемом аспекте.

В публикациях археологических материалов из Старой Ладogi отмечалась только одна находка прялки с лопастью (при раскопках Н.И. Репникова в 1909–1913 гг.) в слое VIII–IX вв. – это «простейшая прялка, вытесанная из одного куска дерева (ствол и сучок). Она имеет плоскую широкую подставку, полностью не сохранившуюся, и круглую стойку, увенчанную лопастью для привязывания льна, снабженную резными украшениями»³⁹. К сожалению, ни фотографии, ни рисунка этой прялки опубликовано не было, и наши поиски ее в собрании Государственного Эрмитажа (куда она была переведена в составе всей коллекции раскопок Н.И. Репникова в 1954 г. из Государственного Музея этнографии народов СССР – ныне РЭМ) результатов не дали. Зато среди деревянных предметов из Старой Ладogi в фондах Государственного Эрмитажа имеется несколько неидентифицированных, которые могли быть прялками (в виде копыла с веткой-отростком, условно названные мотыгами) или частью их лопасок (напр., инв. № 10/2172; фрагменты деревянных изделий вообще с большим трудом поддаются точной идентификации). Один доскообразный резной предмет (инв. № 2425/468) очень напоминает удлиненную лопасть прялки, в том числе по размерам (52 × 13 см), причем сверху мы видим две вырезанные «головки», как бы смотрящие в разные стороны (см. рис. 3, Б)⁴⁰.

Что же лежало в основе образно-содержательной стороны оформления прялок зоо-орнитоморфного типа и их возможных прототипов? Вряд ли в те далекие времена оно выполняло только чисто декоративную функцию, так как и сам предмет (прялка), и процесс прядения, как известно, практически во всех традиционных культурах символически переосмыслились и были соотнесены с идеями жизни («нить жизни»), судьбы,

образом богини-пряжи и всем тем сложным кругом представлений, в основе которого лежала идея вечного круговорота жизни и смерти⁴¹. Прялка, сама являясь частью дерева, в первую очередь могла отражать в своем облике семантику неразрывно связанного с этим кругом воззрений архетипического образа Древа жизни, сформировавшегося в глубокой древности и включающего как неотъемлемый мировоззренческий компонент образы птиц. Вопрос о семантике трехчастной композиции с птицами в русском народном искусстве специально рассматривался нами в одной из работ⁴²; проследивается отражение в орнитоморфных образах со времен первобытности в первую очередь архаичных представлений о душах предков-потомков. И, скорее всего, **верхние «головки»** в оформлении лопасок прялок имели в своей основе именно орнитоморфный облик. Древняя традиция изображения трехчастной композиции с птицами вверху на стойке прялок проявляется в разных регионах порой в однозначно читаемых вариантах: четкое пропильное изображение двух птиц, сидящих у перекрещенного круга, венчает верх резной тверской прялки⁴³ (Тверская губ., Старицкий у., д. Ярыгино); две явные птички, а не просто «головки», вырезались иногда и вверху лопасок прялок зоо-орнитоморфного типа в Бабаевском р-не; на кокошниках ярославских теремовых прялок три пары птиц украшают ветви Древа, причем птички верхней обращены друг к другу, перекликаясь с двумя крупными нижними «петухами» у столбика на широкой ножке. В завершении вологодских западных зоо-орнитоморфных прялок «головки» в большинстве случаев, как уже было сказано, также похожи на птички с заостренными клювами и хохолками, причем преобладание именно этой образности характерно и для части прялок указанного типа в восточном их ареале, например прялок Совети (ср. в рис. 1, А, 2, 3 и 5).

Образ птицы, несомненно, самый распространенный в культуре и народном искусстве фактически всех народов мира. Все же попытаемся высказать предположение об истоках появления его на данном предмете в данном регионе. Прежде всего обращает на себя внимание следующее наблюдение Л.А. Голубевой: многочисленные «птички» подвески Приладожья X–XII вв., в том числе с заостренным клювом и хохолком, – преимущественно местного происхождения, в то время как коньковые подвески Приладожья и Белоозерья – привозные, являющиеся в X–XI вв. украшением мери, в какой-то степени отличающим ее от родственной ей веси. У мордвы, муромы и волго-окской мери птички подвески почему-то не получили дальнейшего развития и были вытеснены с конца I – начала II тыс. н.э. подвесками с изображением коня, в то время как в Приладожье в X–XI вв. наблюдается их расцвет⁴⁴.

С изображением хохлатых птичек интересно также сопоставляется тот факт, что слово «чухарь», которым русские называли вепсов, как и слова «чудь», «чухнь», по мнению Л.А. Голубевой, «семантически связаны с названием глухаря в западных прибалтийско-финских и саамских языках, что восходит к образу птицы-тотема»⁴⁵. Почитание глухаря как тотемной птицы отмечено и у некоторых восточных финно-угорских народностей. Намечающееся продвижение зоны бытования в древности подвесок в виде птичек с гребешком или хохолком из Приладожья также удивительным образом в основном совпадает с выявленным ареалом прялок зоо-орнитоморфного типа и его рудиментов: «Полые подвески-птички с гребешком... из Приладожья датируются XI–XII вв. Отсюда они проникли на Суду, Шексну и Вагу», а плоские птички с гребешком XII–XIII вв. найдены в Приладожье, на Суде, Белоозере, Вологде, в курганах Костромской и Ивановской областей⁴⁶. В бассейне Ваги отмечены топонимы вепского облика, а в бассейне Средней Сухоны есть доказательства существования «прибалтийско-финской колонии»⁴⁷. Область бытования восточных зоо-орнитоморфных прялок (*советских и толименьгских*) включает и местности по Средней Сухоне, и в верховьях р. Костромы; по археологическим же данным, финно-угры Костромского Поволжья резко отличались от владимирской мери, сближаясь «по ряду признаков с более северными, северо-западными и северо-восточными группами чудского населения»⁴⁸. Кроме того, в XII–XIII вв. в Костромском и Ивановском Поволжье наблюдается увеличение количества птичьих подвесок, а также появление подвесок с изо-

бражением «петуха»⁴⁹. Не было ли это результатом продвижения сюда части выходцев из новгородских земель, среди которых значительную долю, вероятно, составляли представители веси и потомки смешанных браков? (Л.А. Голубева предполагает, что появление подвесок с изображением «петуха» могло быть результатом возросшей роли славян в этом регионе.)

Несомненно, нет оснований связывать орнитоморфное завершение прялок только с традициями веси (или чуди), так как типы прялок финно-угорских народов близких аналогий нам не дают (только в наверхших прялок Финляндии встречаются рудименты зоо-орнитоморфного типа⁵⁰, но для рубежа I–II тыс. н.э. отмечается преимущественно одностороннее влияние на искусство этих территорий – с востока на запад, а не наоборот⁵¹). Скорее можно говорить о некоем симбиозе традиций при складывании данного типа прялок (вероятнее всего, в Юго-Восточном Приладожье) – в основном весских и славянских, возможно также и балтских (хотя, например, наличие костей птиц в погребальной урне отмечено для норманнского похоронного обряда Старой Ладogi⁵²).

В культуре славян образ птицы был также очень устойчив. По мнению археологов, «формирование серийной формы языческих амулетов в финно-угорской среде юго-восточного Приладожья было обусловлено южным импульсом и проходило под прямым воздействием восточнославянских идеологических и культурных традиций»⁵³. В «чудских древностях» мы фактически не встречаем в явном виде изображения двух **повернутых друг к другу** птиц в позе предстояния перед центральной фигурой (растительной или женской и их символами), в то время как в культуре славян и их предков эта композиция просматривается по крайней мере с I тыс. до н.э.⁵⁴, являясь, вероятно, и наследием богатых традиций Древнего Востока, античности и Византии, а также скифо-сарматского мира⁵⁵ (головки двух птиц, обращенных друг к другу длинными клювами, можно увидеть, например, на сарматском гребне II в. до н.э. в экспозиции Государственного Эрмитажа). Близкую композицию с двумя хищными птицами мы встречаем на огне из Киева языческих времен⁵⁶. Широко было распространено изображение двух птиц у крина или более крупного растения на древнерусских колтах, появившихся в Киеве под византийским влиянием⁵⁷ и проникших в искусство Древнего Новгорода⁵⁸. Высокохудожественное изображение двух орлов у дерева-шатра мы видим на ритуальном тонорике XII в. работы владимирских мастеров. Предполагается его принадлежность Андрею Боголюбскому⁵⁹, что указывает, скорее всего, на связь этой птицы с идеей княжеской власти, так как в основе формирования знака Рюриковичей, по мнению некоторых ученых, лежал образ хищной птицы⁶⁰. Высказывается также точка зрения, что изображение единичной хищной птицы в развернутой позе (как бы распластанной) на перстнях Древнего Новгорода, наиболее древние из которых датируются первой половиной X в., отражает раннегосударственную символику⁶¹. Вообще изображения хищных птиц с хохолком или даже короной на голове (либо только их голов) были довольно характерны для Древнего Новгорода; это привески, накладки, медальоны, навершия различных рукоятей и т.п.⁶²

Из новгородских древностей происходит также массивная бронзовая пластина-накладка, форма которой довольно близко напоминает форму верхнего завершения прялок зоо-орнитоморфного типа: по бокам центрального полукруглого выступа (под которым имеется сквозное изображение перекрещенного круга с цельным кругом в центре) мы видим еще два дугообразных выступа, которые «напоминают схематически изображенных птичек»⁶³. Кроме того, и сам знак Рюриковичей, предметы с которым были найдены и в Древнем Новгороде, и в Приладожье, и в Белозерье, в какой-то степени перекликается с верхним завершением рассматриваемых прялок, что, впрочем, скорее может являться результатом развития их из близких прототипов (в основе которых, по-видимому, лежит идея предстояния перед Древом жизни-богиней).

Результатом слияния славянских и финно-угорских традиций можно, видимо, считать и «птичье» завершение некоторых гребней для волос, найденных в Старой Ла-

доге и в Пскове, – две птицы, похожие на уток, здесь **развернуты в разные стороны** и почти сливаются корпусами⁶⁴ (ср. развернутость «головок», скорее всего также птичьих, на деревянной лопасти из Старой Ладogi – рис. 3, Б). Интересен также гребень IX–X вв. с какими-то неопределенными, также развернутыми головками, украшенный «глазковым» орнаментом с выделением семью «глазками» центра-круга⁶⁵. Подобная «развернутость» характерна для гребней с двумя «конскими» головками, широко распространенных в финно-угорском мире от новгородских земель до Прикамья⁶⁶. К сожалению, на единственном пока встреченном нами по литературе археологическом гребне, где композиция почти точно соответствует завершению верха наших прялок, а именно на гребне из Тимеровского могильника (под современным Ярославлем) «головки» обломаны, хотя как раз они, вероятнее всего, были **повернуты друг к другу**⁶⁷. Можно сопоставить зоо-орнитоморфное завершение прялок и с композицией предстояния двух коней либо двух медведей, также изредка встречающейся на археологических гребнях. Среди гребней с конями известны находки и из Кирилловского р-на, и из-под Череповца (а близкая к ним гребенчатая подвеска – из Новгородской земли); гребни с медведями имеют большой разброс в географическом отношении (Прикамье, владимирские курганы, Приладожье). Место изготовления и тех, и других пока точно не известно, хотя гребни с конями «тяготеют» к Прибалтике⁶⁸. А из Старой Ладogi происходит один очень своеобразный гребень – его сильно возвышающаяся спинка передает изображение двух животных, похожих, скорее, на волков, **предстоящих перед стилизованным деревом на высоком треугольном основании**⁶⁹. Возможно, в тех местностях, где превалировал культ какого-либо вида животного, верхнее оформление предметов народного быта могло соответствующим образом переосмысляться (культ коня, к примеру, в большей степени связан с балтскими традициями, а культ медведя – с мерянскими, хотя и у славян оба эти культа имели глубокие корни).

Относительно **нижних «головок»** на лопасках прялок вполне вероятно допущение, что их образное содержание изначально было иным, чем верхних, составляя с ними некое композиционно-мировоззренческое **единство «противостояния верха и низа»**. Из археологических образцов прялок Древнего Новгорода мы уже отмечали одну лопасть XIII в.⁷⁰ (рис. 3, А, 1), где **внизу** явно просматриваются две **противоположно смотрящие** головки, напоминающие змеек. Аналог этому мотиву можно видеть на поморских прялках – например, из карельского с. Кереть, где издавна проживали новгородцы (рис. 3, В, 1, 2). Этот мотив внизу удлинённых лопасок В.М. Вишневская называет «вазоном, похожим на тюльпанчик», лепестки которого «часто завершаются конскими головами»⁷¹ (отметим, что эти **разнонаправленные «головки»** данных прялок далеко не всегда похожи на конские). Кстати, богатый *сердцевидный узор* их лопастей очень близок декору другой древненовгородской прялки из опубликованных Б.А. Колчиным (табл. 66, 7 из статьи Б.А. Колчина; рис. 3, А, 2 в данной статье), что, возможно, указывает на непосредственную преемственность традиции. Еще большую близость с древненовгородскими обнаруживают поморские прялки из Княжей губы – и в сердцевидном декоре, и в общей форме лопаски, внизу которой явно просматривается рудимент змеобразного мотива⁷² (рис. 3, В, 3), как и на отдельных древненовгородских прялках (табл. 66, 3, 5, 9 из статьи Б.А. Колчина; рис. 3, А, 3 в данной статье).

Интересное наблюдение было сделано С.Б. Рождественской в ходе изучения домашнего декора у русских: **птицы** в композициях чаще всего изображались **повернутыми друг к другу**, а «дракончики», также нередко встречающиеся в этом виде декора, – смотрящими **в противоположные стороны**, в позе «оборотней». В центре таких композиций также отмечается взаимозаменяемость трилистника, крина и женской фигуры⁷³ (как, например, и на прялках Совети). Близкие аналогии имеются и в других видах народного искусства: так, в холуйской росписи, соединившей древнерусские и чисто народные традиции, встречаем композицию **из двух птиц, повернутых друг**

к другу и подпирających двухголовую змею, головы которой изображены как раз в позе «оборотней»⁷⁴.

Среди прялок, опубликованных в альбоме А.А. Бобринского, имеется одна очень своеобразная старинная, неизвестного происхождения, с богатой контурной резьбой; внизу ее лопасти вырезаны две разнонаправленные конские головки, венчающие единое змеевидное тело с вырастающим из его центра деревцем⁷⁵. На двух других, чья богатая **сердцевидная сквозная резьба** указывает, видимо, на давние новгородские традиции, мы видим внизу по сторонам их лопатовидных лопастей два либо S-образных, либо G-образных мотива⁷⁶, которые (особенно первый) широко распространены у разных народов в качестве стилизованного изображения змеи. Трансформацию реалистичных изображений змей в подобные мотивы, завершающиеся порой головками коньков или каких-то других животных, можно наблюдать на прялках очень отдаленного, но этнически родственного региона – у южных славян⁷⁷ (рис. 3, Г). Переключка их с нашими северными прялками в этих элементах просто удивительна и позволяет ставить вопрос о какой-то очень древней и широко распространенной традиции, так как аналогии возникают и с памятниками Древнего мира (ср. древнеегипетское изображение столба Джд с двумя уреями, а также известную печать IV тыс. до н.э. из Мохенджо-Даро, на которой из змеевидного тела с двумя бычьими головами по концам вырастает Древо)⁷⁸. Напрашиваются сопоставления и с широко распространенными в конце I – начале II тыс. н.э. «коньковыми» подвесками чудских и мерянских древностей.

Хотя двухголовые «коньковые» подвески возникли скорее всего в лоне финно-угорского мира, однако на их основе в славянской среде были выработаны свои формы подобных подвесок (в частности, в Верхнем Поднепровье⁷⁹), что говорит о близости идеологических представлений этих этносов в тот период. Интересно отметить наблюдение археологов относительно взаимообмена и симбиоза культур в период формирования древнерусской народности: «Парадоксально, но в древнерусских памятниках старые мерянские традиции проявляются сильнее, чем в собственных, относящихся к более раннему времени или синхронных с русскими»⁸⁰. Не надо забывать и о наследовании финно-уграми богатой ананьинской культуры, в которой прослеживается значительное влияние из более южных регионов.

Магическая роль в древности «коньковых» подвесок не вызывает сомнения. Вероятнее всего, им приписывалась продуцирующая функция, на что указывают и находки их главным образом в женских захоронениях, у пояса или на груди, и украшение их волнистыми линиями, а также привесками в виде капель и гусиных лапок. Коми-пермяцкий свадебный обряд сохранил уникальный эпизод, в котором как бы оживает «коньковая» подвеска, а также описанный выше изобразительный мотив на наших прялках: на связанных спинами двух участников игры, держащих в руках по конской дуге, накидывается полог и на него посередине сажается голый мальчик с сырым венком, которым он кропит всех присутствующих⁸¹. Продуцирующая магия данного действия несомненна.

Однако необходимо отметить, что и шумящие подвески, и подвески-гребешки, называемые по традиции «коньковыми», далеко не всегда украшены головками именно коней – нередко среди них встречаются экземпляры с головками, очень похожими на змеиные⁸², да и многочисленные изображения драконов из Древнего Новгорода очень часто имеют головы, близкие к конским⁸³. На симбиоз образов коня и дракона в древненовгородском искусстве уже обращали внимание ученые, в частности В.М. Василенко⁸⁴. S-образную змею с двумя конскими или драконьими головками напоминают и поясные крючки или бляшки, встречающиеся как в древностях Приладожья, Древнего Новгорода, так и Приуралья⁸⁵. Из Древнего Новгорода XIII–XIV вв. происходит также уникальная ложка, богато украшенная расписным древнерусским орнаментом; главный изобразительный мотив на ее лопасти – S-образный дракончик с двумя оскаленными головами по концам⁸⁶.

Среди прикамских «конских» подвесок особое внимание привлекает одна ранняя

(VI–VIII вв.), где две развернутые головки – явно змеиные⁸⁷. И в более поздних шумящих подвесках Л.С. Грибова указывает на черты конских головок, выдающие гибридность этого образа с каким-то зверем: утолщение морды, порой оскаленность, – и проводит параллель с коми-пермяцким фольклорным образом *сюра-пеля* – **«рогатый-ушастый»** (перевод приводится по Л.С. Грибовой); так называли какого-то страшного лесного зверя, а в эпосе о Кызым-Оше – лесного духа, которому поклонялась чужь⁸⁸. Обратим внимание на акцентированность **ушей** в этом образе, так как в коньковых подвесках они также порой гипертрофированы. Данная особенность указывает на принадлежность персонажа в первую очередь ночному, «нижнему» миру (как и обостренность слуха – ср. представление коми о том, что «день глазаст, а ночь ушаста»⁸⁹; сюра-пеля способен также насылать уничтожающий ветер, как и наш леший, дракон, змей). Огромные уши – одна из характерных черт и мифологического персонажа коми-пермяков – чудовищной женщины Хэсте, от которой тем не менее родится богатырь – основатель рода⁹⁰ (так как «иной мир» – это и источник постоянного обновления жизни, податель плодородия). Глухое свидетельство о древней вере в подобный, по-видимому, двухголовый образ сохранилось в Смоленской губ.: «В старину были людоеды. Один людоед головою, туловищем, ногами был похож на лошадь и распадался на две части. Когда сходились одинаковые половинки людоеда и составляли одно тело, то в полном своем виде людоед отличался необыкновенною быстротою: по народному поверию, никакое существо на свете не могло его догнать»⁹¹. Таким образом, в «конских» двухголовых подвесках просматривается очень архаичный пласт представлений, в которых образу коня, видимо, предшествовал какой-то более древний гибридный образ типа дракона, змея.

Этот прототип, вероятно, был близок к образу некоего ящера, который часто изображен на пермских литых бляхах I тыс. н.э. в своеобразном «зверином стиле»; он маркирует «нижний мир», его голову венчает часто крупное **ухо**, а порой и **рог**, в ряде случаев вместо хвоста у него – **вторая голова**, а вместо лап – **птичьи ласты**; иногда он замещается **конем**, **двухголовым медведем** или каким-то другим животным⁹². На ящере чаще всего стоит некое женское божество в окружении лосиных голов (кстати, и у царевны Хэсте пальцы ног были, «как птичьи лапы»⁹³). Интересно отметить, что близкую изобразительную аналогию, хотя и в ином стиле, мы встречаем в славянских археологических памятниках совсем другого региона – это днепровские лучевые фибулы VI–VII вв., изготовлявшиеся предположительно в Поросье, также с мотивами богини и ящера. Женская фигура в данной композиции окружена либо несколькими птичьими головками с загнутыми клювами, либо змеиными, либо конскими, и соединена внизу с фигурой ящера, сочетающегося с такими же головками (которые порой превращаются в конечности и богини, и ящера). Сам абрис этих фибул напоминает в некоторой степени лопаски прялок зоо-орнитоморфного типа⁹⁴. В археологических материалах интересующего нас более северного региона с женской фигуркой приднепровских фибул перекликаются по форме подвески также в виде стилизованного образа женщины. Они неоднократно встречались на берегах Шексны, на Суде и Сухоне, в костромских курганах, а также в Прикамье⁹⁵. Змееобразный двуголовый мотив неразрывно связан с богиней-Роженицей в севернорусской вышивке, маркируя ее живородящее чрево и составляя с ней композиционно-семантическое единство. При анализе этого сложного комплекса на фоне широких культурно-исторических параллелей в значительной степени проясняются функционально-логические взаимосвязи составляющих его образов, и в первую очередь – богини, дерева, птиц и змей, однако этот вопрос требует дальнейшей специальной разработки⁹⁶. Несомненно одно: в основе формирования всей этой композиции лежала когда-то идея жизни, плодородия, продолжения рода и возрождения к новой жизни.

В ходе значительных социально-экономических и политических изменений, которые наблюдались у всех народов Восточной Европы на рубеже I–II тыс. н.э. (когда, возможно, складывался рассматриваемый нами тип прялок), менялся и акцент в идеологических представлениях – на первый план выходили божества военной демократии,

связанные с идеями завоевания, власти, с символикой солнца и грозы, коня и оружия, а божества плодородия, соотнесенные с лесом, землей, влагой, ночью, змеей, все больше отходили в мир чисто женских культов, приобретали негативную окраску или даже подвергались «ниспровержению». Противостояние «верха» и «низа», заложенное изначально в «комплекс Древа», все более и более обострялось и развивало линию так называемого *основного мифа* (наиболее полно выделенного и проанализированного на индоевропейских материалах, как известно, в трудах В.Н. Топорова и В.В. Иванова) – борьбы громовержца, или небесного, солнечного божества, с его противником. Древний Велес, связанный с образами змея и медведя (может быть в еще более архаичной форме это была Вела? – женский мифологический персонаж с таким именем известен южным славянам) преследуется и низвергается громовиком Перуном, ассоциируемым с образами хищной птицы, коня (хотя и в образе Перуна есть отголоски змееобразности). Старое божество окрашивается все более негативно, а жизнеутверждающая символика постепенно целиком переходит к его противнику, в связи с чем вполне понятно стремление переосмыслить изображение двухголового змееобразного персонажа в подвесках в безобидного конька (в научной литературе уже не раз отмечалось, что на образ коня с повышением его роли в хозяйстве и в период военной демократии переходят многие черты как тотемных, так и хтонических животных⁹⁷). Символика явного **торжества птицы над змеем** отражена в декоре уже упоминавшегося топорика Андрея Боголюбского: если на одной его стороне мы видим двух орлов у Древа, то на оборотной – пронзенного мечом змея. Однако в этот период активного освоения славянами новых земель на образ змея все более переходит и идея о чуждой вражеской силе, что хорошо известно по русскому героическому эпосу, в котором со змеем связывается символика инородческих племен. Так, на Онежском озере была записана легенда **о победе солнечной птицы**, покровительствующей первому новгородскому поселенцу Ивану Овчине, **над громадной белой змеей**, которой поклонялось местное племя лопь⁹⁸. Та же идея просматривается и в орнаменте на уже упоминавшейся древненовгородской ложке: двухголовый дракончик изображен на ее тыльной стороне, а воин в доспехах с поднятым мечом и щитом в руках – на лицевой.

На фоне всех этих сложных социально-политических и мировоззренческих процессов формирующаяся композиция на прялках зоо-орнитоморфного типа уже изначально могла нести символику утверждения продвигающегося все далее на восток из новгородских земель славянства (хотя, несомненно, и смешанного уже с другими этносами) над местным населением, для которого мотив разнонаправленных драконоподобных головок в то время был как раз в наибольшей степени характерен (судя по «коньковым» подвескам). Верхнее завершение в виде птиц в позе предстояния в этой связи могло в какой-то степени соотноситься и со знаком Рюриковичей – символом становящейся государственности, а вся композиция, включая нижний мотив, – с идеей победы христианства над язычеством, так как в раннем христианстве известно композиционно довольно близкое изображение, пришедшее на Русь, вероятно, из Византии, – «процветший крест» (в его форме явно просматривается образ Древа с двумя змеями по сторонам его внизу, которые в какие-то давние времена еще в восточных землях превратились в две изогнутые ветви).

Однако хочется еще раз подчеркнуть, что рассматриваемое явление народной культуры было детищем не одного какого-либо этноса, а результатом, как мы это пытались показать, слияния и взаимодействия нескольких традиций, идущих из глубины веков; возможно даже оживление отдельных, уже забывавшихся традиций и представлений у славян в ходе контактов с населением, где эти традиции еще были в большей мере живы, так как эволюция мировоззрения в древности в общих чертах довольно близка у разных народов. Достаточно напомнить, что идея погнания змеи имела художественное выражение и у финно-угорских народов – в частности, в «чудских» подвесках типа «всадница (всадник, конь) на змее», распространенных в большом количестве от Прикамья до Приладожья (в последнем районе, кстати, была

найдена чуть ли не половина от их общего числа; попадались они и на Ваге⁹⁹). Идея змеборства, как известно, была закреплена христианской традицией в образе Георгия Победоносца и вошла в герб Московского государства.

Необходимо констатировать, что все богатое разнообразие народного искусства Русского Севера, и в частности видов прялок, – это красноречивое свидетельство взаимообогащения культур в ходе преимущественно мирного творческого сотрудничества. Этот процесс активно протекал в данном регионе в начале II тыс. н.э.: «В рассматриваемый период наблюдается распространение на огромных пространствах лесного Севера вещей славяно-русского типа... Иноязычное население, воспринимая многие традиции древнерусской культуры, само участвовало в ее обогащении, в придании известного своеобразия культуре Северной Руси. Этот процесс взаимодействия проявился, в частности, в появлении славяно-чудских типов вещей-"гибридов". В районах, плотно освоенных славяно-русским земледельческим населением, прослеживается тенденция к формированию отдельных областных культур (в Костромском Поволжье, на северо-западе Новгородской земли). Их отличия заключаются в сложном переплетении финно-угорских и славянских традиций и в создании на их основе качественно новых культурных элементов»¹⁰⁰. Именно как такое качественно новое культурное явление сложился когда-то и рассмотренный нами тип прялок, обогатив впоследствии многообразием своих модификаций народную художественную культуру Русского Севера.

Примечания

¹ Жегалова С.К. Экспедиция Государственного Исторического музея на Северную Двину // Сов. этнография (далее – СЭ). 1960. № 4; Круглова О.В. Северодвинские росписи // Русское народное искусство Севера. Л., 1968; *ее же*. Народная роспись Северной Двины. М., 1987. С. 11–19.

² Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия. Вып. I–XI. М., 1910–1913.

³ Воронов В.С. Бытовой жанр в росписи и резьбе крестьянского искусства // Среди коллекционеров. М., 1923; *его же*. Крестьянское искусство. М., 1924; *его же*. Путеводитель по Кустарному музею. М., 1925; *его же*. О крестьянском искусстве. М., 1972; Некрасов А.И. Русское народное искусство. М., 1924; Малицкий Г.М. Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства в росписи и резьбе. Казань, 1923; Бакушинский А. Роспись по дереву, бересте и палье-маше. М., 1933; Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М., 1934; Левинсон Н.Р., Маясова Н.А. Материальная культура Русского Севера в конце XIX – начале XX в. // Тр. Государственного Исторического музея (далее – ГИМ). Вып. 23. Историко-бытовые экспедиции 1940–1950-х гг. М., 1953; Соколов С., Томский И. Народное искусство Севера России. М., 1924; Шекотов Н. Русская крестьянская живопись. М., 1923; Жегалова С.К. Указ. раб.: *ее же*. Русская народная резьба XIX в. М., 1957; *ее же*. Художественные прялки // Сокровища русского народного искусства и роспись по дереву. М., 1967; Каменская М.Н., Тарановская Н.В. Экспедиция в Кирилловский, Тотемский, Нюксенский и Тарногский р-ны Вологодской обл. // Сообщ. Государственного Русского музея (далее – ГРМ). Вып. VII. Л., 1961; Тарановская Н.В. Народное искусство Архангельской обл. // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. 1962. Вып. XXXVII: Мальцев Н.В., Тарановская Н.В. Русские прялки. Альбом. Л., 1970; Пятницкая И.А. Народное искусство: Каталог. Вологда, 1966; Северные прялки: Каталог выставки из собраний Загорского и Вологодского музеев. Вологда, 1969; Калмыкова Л.Э. Тверские прялки // Сообщ. ГРМ. Вып. XI. М., 1976 и др.

⁴ Круглова О.В. Народное искусство: Каталог. Загорск, 1957; *ее же*. Северодвинские находки // Декоративное искусство СССР. 1960. № 3; *ее же*. Северодвинские росписи; *ее же*. Народная роспись Северной Двины; *ее же*. Жанровая роспись русского Севера // Сообщ. Загорского Государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960; *ее же*. Грязовецкие прялки // Декоративное искусство СССР (далее – ДИ). 1971. № 5; *ее же*. Центры крестьянской резьбы по дереву в Ярославской обл. Новые данные о «теремковых» и столбчатых прялках // СЭ. 1972. № 4; *ее же*. Русская народная резьба и роспись по дереву. Альбом-исследование. М., 1983 (1-е изд. – М., 1974); *ее же*. Границы распространения прялок русского Севера и Поволжья // Сообщ. ГРМ. Вып. XI. М., 1976.

⁵ Слепынина Л.Ю. Прялки Русского Севера на территории Костромской области // Краеведческие зап. Костромского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (далее – КГОИАМЗ). Вып. V. Кострома, 1993. С. 98–104; *ее же*. Характеристика коллекции «Художественные прялки» в собрании КГОИАМЗ. Границы распространения прялок Русского Севера и Поволжья (рукопись). Кострома, 1990; Пritchina В.А. Прялки из собрания Тотемского краеведческого музея // Тотма: Историко-

краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 105–117. Несколько особняком в этом ряду стоит работа Т.А. Бернштам – см.: *Бернштам Т.А.* Прялка в символическом контексте культуры // Сб. Музея антропологии и этнографии (далее – МАЭ). Вып. XLV. Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. Хотя формальная типология прялок не является основной целью данной работы, в разделе «Конструкция – форма» автор выделяет четыре их группы по форме стояка, причем в основу положен визуально-образный принцип. Эта типология со всех точек зрения очень спорна, к тому же в одну группу подчас попадают очень далекие друг от друга формы (см. рис. 1 в данной работе Т.А. Бернштам).

Значительно большее, чем вопросам типологии, внимание уделялось в научной литературе содержательной стороне декора прялок. См., напр.: *Фалеева В.А.* Прялка-терем // ДИ. 1969. № 5; *Круглова О.В.* Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской обл. // СЭ. 1971. № 1; *Рыбаков Б.А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства // ДИ. 1975. № 1, 3; *Вагнер Г.К.* О чертах космогонизма в народном искусстве // Древняя Русь и славяне. М., 1978; *Дмитриева С.И.* Мезенские прялки. К вопросу о происхождении мезенской росписи // СЭ. 1988. № 1; *Денисова И.М.* Дерево-дом-храм в русском народном искусстве // СЭ. 1990. № 6; *Жарникова С.В.* Мир образов русской прялки. Вологда, 2000 и др.

⁶ См.: Проблемы типологии в этнографии. Сб. статей. М., 1979.

⁷ *Круглова О.В.* Границы распространения...

⁸ *Бобринский А.А.* Указ. раб. Вып. I. Табл. 1, 2; вып. VII. Табл. 98.

⁹ *Круглова О.В.* Границы распространения... С. 56.

¹⁰ Северные прялки... С. 10; Русские прялки: Каталог выставки из собрания Загорского музея. Чехов, 1971. С. 18; *Круглова О.В.* Границы распространения... С. 58; *её же.* Русская народная резьба... С. 11–12. Ил. 61; *Мальцев Н.В., Тарановская Н.В.* Русские прялки. С. 12. Ил. 32.

¹¹ *Круглова О.В.* Границы распространения... С. 61.

¹² Приношу глубокую благодарность сотрудникам указанных музеев, позволившим ознакомиться с их фондами и зафиксировать необходимые для работы экспонаты, и в первую очередь И.И. Шангиной и Л.Б. Урицкой (Российский этнографический музей), С.Д. Оленеву (Вологодский государственный историко-архитектурный музей-заповедник).

¹³ Полевые материалы автора (далее – ПМА). 1996. Сведения записаны от А.Ф. Ершовой, 1903 г.р. и А.А. Черемхиной, 1911 г.р. в д. Костино Гулинского сельсовета Белозерского р-на.

¹⁴ ПМА. 1997. С. 19. Записано от А.Д. Голосовой, 1912 г.р. в д. Шевелево Талицкого сельсовета Кирилловского р-на.

¹⁵ *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997. С. 98. Рис. 32, 12, 13.

¹⁶ *Слепынина Л.Ю.* Характеристика коллекции... Табл. А, II – солигаличские; Б, I – галичские; Б, V, I, 2 – чухломские и кологривские прялки.

¹⁷ *Шелег В.А.* Севернорусская резьба по дереву: ареалы и этнические традиции // Русский Север. Л., 1986. С. 58–66.

¹⁸ *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. Рис. 81, карта.

¹⁹ *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 56.

²⁰ *Горюнова Е.И.* Указ. раб. С. 232.

²¹ *Макаров Н.А.* Указ. раб. С. 98. Рис. 32, 11, 15.

²² *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 188.

²³ *Горюнова Е.И.* Указ. раб. С. 181.

²⁴ *Голубева Л.А.* Указ. раб. С. 55.

²⁵ Русские прялки: Каталог выставки... С. 70, 64.

²⁶ *Круглова О.В.* Границы распространения... С. 62.

²⁷ *Курилович А.Н.* Белорусское народное ткачество. Минск, 1981. С. 33, 34. Рис. 8, а, б, г.

²⁸ *Брюсов А.Я.* Свайное поселение на р. Модлоне в Вологодской обл. // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). Вып. 20. М.; Л., 1951. С. 24. Рис. 7, 4.

²⁹ *Круглова О.В.* Границы распространения... С. 57, 59. Табл. I, II.

³⁰ *Колчин Б.А.* Указ. раб. С. 67. Табл. 66, 6–11.

³¹ *Горюнова Е.И.* Указ. раб. Карта на рис. 81.

³² Народное искусство Ленинградской области. Из собрания Государственного Русского музея. Л., 1985. С. 7. № 7. 10, 11 в каталоге.

³³ *Уханова И.Н.* К истории художественных ремесел Ленинградской обл. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 37, 38. Рис. 4.

³⁴ Народное искусство Ленинградской обл. С. 7; *Уханова И.Н.* Указ. раб. С. 38.

³⁵ *Голубева Л.А.* Указ. раб. С. 51; *Тухтина Н.В.* Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 40. Археологический сборник. М., 1966. С. 123.

- ³⁶ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности // МИА. 1970. Вып. 179. С. 8.
- ³⁷ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI в. Л., 1978. С. 68, 69, 87–90.
- ³⁸ Тухтина Н.В. Указ. раб. С. 125, 135.
- ³⁹ Старая Ладога. Л., 1948. С. 79.
- ⁴⁰ Выражаю глубокую благодарность научному сотруднику Государственного Эрмитажа Б.С. Короткевичу, позволившему ознакомиться с деревянными предметами из раскопок в Старой Ладоге.
- ⁴¹ Жарникова С.В. Указ. раб. С. 6–12.
- ⁴² Денисова И.М. Указ. раб. С. 109–111.
- ⁴³ Мальцев Н.В., Тарановская Н.В. Указ. раб. Ил. 20.
- ⁴⁴ Голубева Л.А. Указ. раб. С. 44, 45; *её же*. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. Е1–59. М., 1979. С. 25.
- ⁴⁵ Голубева Л.А. Вось и славяне... С. 13.
- ⁴⁶ Там же. С. 45.
- ⁴⁷ Там же. С. 12.
- ⁴⁸ Рябинин Е.А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 97.
- ⁴⁹ Голубева Л.А. Зооморфные украшения... С. 25.
- ⁵⁰ Sirelius U.T. Suomen kansanomaista kulttuuria. II. Helsingissa, 1919. Kùva 71, g, f; 76, a, c, d; 77; 78, a, e; 84, c, d; 85, a; 87, e; 88, c, e; 95, b, c; 96, d.
- ⁵¹ Мейнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35–40; Хирвилауто А.-Л. Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Там же. С. 103–109.
- ⁵² Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Указ. раб. С. 68.
- ⁵³ Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 61.
- ⁵⁴ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 341–345.
- ⁵⁵ Голан А. Миф и символ. М., 1993. Рис. 348, 3; 352; 355, 1, 2; 357, 4, 5.
- ⁵⁶ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 266. Рис. 49, 21.
- ⁵⁷ Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси. М., 1984. С. 43–53.
- ⁵⁸ Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М., 1985. Рис. 56.
- ⁵⁹ Бочаров Г.Н. Указ. раб. С. 120. Рис. на с. 121.
- ⁶⁰ Ширинский С.С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Барки и Гнездова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 215–223.
- ⁶¹ Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 137. Рис. 50, 13, см. также рис. 52, 2; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Указ. раб. С. 93.
- ⁶² Седова М.В. Указ. раб. Рис. 12, 2, 15, 1, 3, 28, 3; Древний Новгород... Ил. 57, 91, 95, 106, 146, 165–172.
- ⁶³ Седова М.В. Указ. раб. С. 167. Рис. 63, 8.
- ⁶⁴ Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сб. Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Славянские древности. Л., 1962. С. 101. Рис. 4, 1, 3.
- ⁶⁵ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 1996. Рис. на с. 65.
- ⁶⁶ Голубева Л.А. Зооморфные украшения... С. 60.
- ⁶⁷ Дубов И.В. Тимеревский комплекс – протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Рис. 3(5).
- ⁶⁸ Голубева Л.А. Зооморфные украшения... С. 58–60.
- ⁶⁹ Равдоникас В.И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // Сов. археология. 1949. Вып. XI. Рис. 33, 1.
- ⁷⁰ Колчин Б.А. Указ. раб. Табл. 66, 6.
- ⁷¹ Вишневская В.М. Резьба и роспись по дереву мастеров Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 38. Рис. 55, 56.
- ⁷² Уханова И.Н. Резьба и роспись народных мастеров Северо-Западного Поморья // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 112. Рис. 3.
- ⁷³ Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981. С. 54, 61, 65.
- ⁷⁴ Арбат Ю.А. Русские народные росписи по дереву. М., 1970. Ил. на с. 189.
- ⁷⁵ Бобринский А.А. Указ. раб. Вып. I. Табл. 2, 5.
- ⁷⁶ Там же. Табл. 1, 7, 9.
- ⁷⁷ Антонијевич Д. Обряды и обычаи балканских сточара. Београд, 1982. Табл. XIX.
- ⁷⁸ Интерпретацию этого мотива как змеевидного на материалах народного искусства с привлечением

широких типологических параллелей см. в работах автора: Образ Мирового древа в русской народной вышивке // *Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С. 186–201; *её же.* Семантический комплекс, связанный с идеей возрождения, в русской народной вышивке. Тез. докл. на III Всероссийском конгрессе этнологов и антропологов. М., июнь 1999 г. М., 1999; *её же.* Отражение системы архаичных представлений о мироздании в русской народной вышивке // *Древняя астрономия: Небо и человек.* Тр. междунар. конф. 19–24 нояб. 1997 г. М., 1998. С. 83–91.

⁷⁹ *Рябинин Е.А.* Языческие привески-амулеты... С. 59.

⁸⁰ *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Указ. раб. С. 111.

⁸¹ *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 77.

⁸² Там же. Табл. XI. 4.

⁸³ *Древний Новгород...* Ил. 17, 58, 156, 222, 226.

⁸⁴ *Василенко В.М.* Русское прикладное искусство: Истоки и становление. М., 1977. С. 374–375.

⁸⁵ *Бранденбург Н.Е.* Курганы Южного Приладожья // *Материалы по археологии России.* 1895. Вып. 18. С. 82. Табл. VI, 2; *Седова М.В.* Указ. раб. Рис. 59, 9.

⁸⁶ *Яцин В.А.* Я послал тебе бересту. М., 1965. С. 107–108; *Арбат Ю.А.* Указ. раб. Ил. на с. 12.

⁸⁷ *Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея. Пермь, 1988. Ил. 152, 153.

⁸⁸ *Грибова Л.С.* Указ. раб. С. 72.

⁸⁹ *Уляшов О.И.* Слух и зрение в образах коми мифологии // *Уральская мифология: Тез. докл. междунар. симпоз.* 5–10 авг. 1992 г. Сыктывкар, 1992. С. 118, 119.

⁹⁰ *Грибова Л.С.* Указ. раб. С. 72.

⁹¹ *Добровольский В.И.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. С. 148. № 84.

⁹² *Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Указ. раб. Ил. 68, 136–139.

⁹³ *Грибова Л.С.* Указ. раб. С. 72.

⁹⁴ *Василенко В.М.* Указ. раб. Ил. 25, 28–31.

⁹⁵ *Голубева Л.А.* Весь и славяне... С. 45, 46. Рис. 6, 4; *её же.* Зооморфные украшения... Табл. 22, 4.

⁹⁶ В настоящее время автором готовится к публикации статья по этой теме «Символ возрождения в русском народном искусстве». Также см.: *Денисова И.М.* Отражение системы архаичных представлений...

⁹⁷ См., напр.: *Грибова Л.С.* Указ. раб. С. 75–82.

⁹⁸ *Пулькин В.И.* Подаренье. Петрозаводск, 1984. С. 8–12.

⁹⁹ *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения... С. 41, 42.

¹⁰⁰ *Рябинин Е.А.* Чудские племена Древней Руси... С. 101.

I.M. Denisova. Zoo- and ornithological type distaffs in the context of ethnic history of the Russian North

The article turns back to the question of typology of Russian distaffs as representing a specific phenomenon of the folk artistic culture. On the basis of analyzing the shapes of distaff posts the author distinguishes a specific type of distaffs the protracted area of whose distribution, especially in the Vologda province, coincides in general with the 11th–12th centuries migration wave of the ancient Novgorod people in the eastern direction. An attempt is undertaken to provide semantic interpretation of the decorative elements of the form of these distaffs with due account for the complex ethnocultural history of the region.